

Сумерки сгустились, и заброшенный завод на окраине города погрузился в тусклый желтоватый полумрак.

Линь Янь снова подрался.

Он напоминал загнанного в угол детеныша зверя: прижавшись спиной к шерботой кирпичной стене, он тяжело дышал. Уголок рта был разбит, сочилась кровь, рана на виске нестерпимо горела, а одежда пропиталась пылью и следами схватки. Хулиганам, решившим к нему прицепиться, тоже досталось: они, осыпая друг друга проклятиями и поддерживая один другого, побрели прочь, и на пустыре он остался один.

Как только напряжение спало, навалились боль и усталость. Он сполз по стене, обхватил колени руками и спрятал лицо в сгибе локтя. Вокруг царила тишина, нарушаемая лишь жалобным завыванием ветра в пустых оконных проемах.

В этот момент он услышал шаги.

Это не было беспорядочное возвращение тех хулиганов — шаги звучали уверенно, четко, размеренно. Каждый звук, отдававшийся от бетонного пола, казался в этой пустоте неестественно громким.

Линь Янь резко поднял голову и настороженно посмотрел вперед.

На фоне последних отблесков заката он увидел стройный, высокий силуэт. Человек в добротном светло-сером плаще шел к нему не спеша, легкой походкой. Появившийся лунный свет постепенно очертил его лицо: мягкие черты, прямой нос, тонкие губы, изогнутые в едва заметной, естественной улыбке, словно он был вечно чему-то рад. Его бледность в сумерках придавала ему вид хрупкого интеллигента, что совершенно не вписывалось в этот грязный, запущенный пейзаж.

Мышцы Линь Яня мгновенно напряглись, он инстинктивно отпрянул назад, издав низкий, угрожающий звук, похожий на рычание щенка, защищающего свою добычу.

Незнакомец остановился в нескольких шагах от него.

Он слегка опустил взгляд, изучая Линь Яня. В его глазах читалось спокойствие и некое трудноопределимое любопытство, но не было ни капли злобы — скорее, он смотрел так, будто нашел потерянное сокровище. Его зрачки, чистого угольного цвета, отражали слабый свет, и в них промелькнуло нечто, похожее на нежную жалость.

— Ранен? — спросил он. Его голос, словно согретый теплой водой, звучал чисто и мягко, обладая магнетизмом, способным успокоить любого.

Линь Янь сжал губы, упрямо молча, лишь сверля его своими необычайно яркими глазами.

Се Юньшэнь не обратил внимания на его настороженность. Он медленно присел на корточки, чтобы оказаться с Линь Янем на одном уровне. От этого движения до Линь Яня донесся тонкий, приятный аромат, исходящий от мужчины. Се Юньшэнь протянул чистую, длинную ладонь, на мгновение замер в воздухе, давая Линь Яню время привыкнуть, а затем осторожно убрал с его лба слипшиеся от крови пряди волос.

Его пальцы были прохладными, и от прикосновения к ране Линь Янь невольно вздрогнул.

— Больно? — голос Се Юньшэня стал еще тише, словно коснулся сердца перышком.

Линь Янь по-прежнему молчал, но его напряженное тело под этим нежным взглядом и заботливыми движениями едва заметно обмякло.

Се Юньшэнь смотрел на него — такого изможденного, но все еще пытающегося казаться опасным — и в глубине его глаз промелькнуло мимолетное, едва уловимое удовлетворение. Он не стал больше ни о чем спрашивать, просто снял свой плащ и бережно накинул его на худые, испачканные плечи Линь Яня.

Тепло, сохранившееся от тела, и тонкий свежий аромат мгновенно окутали Линь Яня, прогоняя холод ночного ветра.

— Пойдем со мной домой, хорошо? — Се Юньшэнь смотрел на него с мягкой, но непоколебимой уверенностью. — Больше никто не посмеет тебя обидеть.

Линь Янь замер. Он запрокинул голову, глядя на это донельзя красивое лицо, в эти глаза, полные нежности. Он слишком долго скитался, и никто никогда не смотрел на него так, никто не предлагал ему подобного. Дом? Для него это слово было чем-то слишком далеким и недостижимым.

Он должен был отказаться, должен был проявить осторожность. Но... этот плащ был таким теплым, этот взгляд — таким обманчиво манящим, а голос — таким располагающим к доверию.

Он моргнул, и на его длинных густых ресницах невольно выступила влага. Вся его ярость и злость в этот миг словно растаяли под напором этой внезапной, огромной нежности. Почти инстинктивно, едва заметно, он кивнул.

Се Юньшэнь улыбнулся. Эта улыбка, расцветшая на его бледном лице, была подобна таянию льда — пугающе прекрасная. Он протянул Линь Яню руку ладонью вверх — это был и призыв, и обещание.

Линь Янь помедлил, а затем медленно поднял свою руку, испачканную пылью и засохшей

кровью, и осторожно вложил ее в эту чистую, длинную ладонь.

Мужчина мягко сжал его прохладную ладонь, полностью укрыв ее своей.

В этот момент Линь Яню показалось, что он услышал вздох удовлетворения — то ли со стороны незнакомца, то ли из глубины собственного сердца.

Се Юньшэнь, не отпуская его руки, помог ему подняться с холодного бетона. Его голос звучал необычайно мягко:

— Умница. Пойдем домой.

Линь Янь позволил вести себя прочь из этих руин, где он так долго боролся за выживание. Он украдкой взглянул на красивый профиль Се Юньшэня, и какой-то твердый уголок в его душе внезапно смягчился. Он, может, и не знал, что ждет его впереди, но сейчас он был готов довериться этому теплу.

В ночной тьме двое удалялись прочь: один — нежный, как нефрит, другой — покрытый шрамами. Это напоминало начало картины, которой суждено было разворачиваться всю жизнь. А маленький волчонок, весь в колючках, наконец позволил кому-то коснуться своего самого уязвимого места, был бережно поднят и унесен в гавань под названием Се Юньшэнь.

<http://bllate.org/book/18641/1795284>